

РОМАН СУРЖИКОВ

Те, кого мы
прощаем

Полари

Роман Суржиков
Те, кого мы прощаем

«ИП Головин»

2020

Суржиков Р.

Те, кого мы прощаем / Р. Суржиков — «ИП Головин»,
2020 — (Полари)

Интерлюдии – это небольшие истории в стороне от главного сюжета. Действие разворачивается в новых местах, еще не знакомых читателю. На сцену выходят новые персонажи со своими чувствами и тайнами. Неведомые грани мира Полари раскрываются перед читателем и несут предвестье будущих великих событий.

Роман Суржиков

Те, кого мы прощаем

Май 1775 г. от Сошествия

День возвращения ЕИВ Минервы с переговоров со Степным Огнем

Фаунтерра, дворец Пера и Меча

Звякнул колокольчик, и Рональд Вигам затаил надежду: хоть бы не золотой. На стене имелось восемь колокольцев разных цветов и размеров, лишь один из них покрывала позолота. Драгоценный металл придавал звуку особый отлив, потому – к сожалению – звон золотого колокольчика сложно было спутать с остальными. Но все же Рональд Вигам надеялся, что ослышался, и сейчас, обернувшись, увидит: дрожит серебряный. Тогда Вигам откупорит двадцатилетний лидский ордж и с гордо поднятой головою зашагает прямо в кабинет лорда-канцлера... Он обернулся: дрожал колокольчик с позолотой. Жизнь несправедлива, – вздохнул Вигам и принялся готовить смесь.

С детства отец учил его: хороший чашник всегда знает, что нужно господину. Хороший чашник владеет чутьем. Он не выпытывает и не расспрашивает, не сыплет марками вин, как сеятель зернами. Он сразу чувствует, что требуется: какое вино подойдет господину в радости, какое – для томления или страсти, каким вином отпраздновать триумф, чем залить горечь поражения, чем угостить желанного гостя, и чем – гостя утомительного. Секретари и слуги ловят лишь слова господина, но чашник слышит саму душу! Эх...

Вигам налил полкувшина амина из Маренго – самого дешевого вина, какое можно найти при императорском дворе. Добавил стакан воды, бросил щепотку красного перца. Сдвинув стенную панель, открыл взгляду запасы хорошего, действительно ценного вина, выбрал «Алую слезу». По мнению Вигама, «Алая слеза» слегка горчила в послевкусии, потому ее было не так жаль. Долив в смесь немного «Слезы», Вигам накрыл кувшин крышечкой, поставил на поднос рядом с одиноким бокалом и двинулся в путь.

Хороший чашник знает шестнадцать марок ханти, тридцать две марки орджа и шестьдесят четыре марки вина, – учил его отец. Нужно уметь распознать марку и срок выдержки на вкус, помнить погодные особенности хотя бы последних двадцати урожаев в восьми главных винодельческих регионах. Нужно назубок изучить дворцовую кухню, запомнить тридцать два блюда, с которыми обязательно подается вино, и семнадцать блюд, с которыми не подается ни в коем случае. Нужно тонко прочувствовать гармонию между разными яствами и разными винами – настолько тонко, чтобы изредка, к приятному удивлению господина, изящно нарушать ее, подавая, например, с печеночным паштетом пятилетнее мианти вместо семилетнего куадо.

Кроме того, – говорил отец, – ты должен занять сына. В прошлом году, после двух досадных промашек с косичками, жена Рональда, наконец, разрешилась мальчиком. Должность дворцового чашника – потомственная в роду Вигамов; но лишь тот, кого боги одарили сыном, имеет право наполнять кубок самого владыки. В октябре, в канун Дня Изобилия, Рональд Вигам получил это право – и на следующий день владыка Адриан выступил в поход, из которого так и не вернулся. Спустя три месяца короновали северянку. Северянка не отличало мианти от куадо. Северянка могла запить мясо ягненка белым сладким вином. Однажды она призналась Рональду, что пила косуху с солдатами.

Пила косуху. С солдатами.

К марту, ко дню Весенней Зари, Рональд Вигам лишился каких-либо иллюзий на ее счет. Тонкий вкус северянки способен разделить вина аж на два сорта: легкие и крепкие. Поняв это, он начал готовить смесь. Рецепт был прост и имел под собою благородное основание – даже

несколько. Во-первых, лишние возлияния вредят здоровью ее величества – потому Рональд разбавлял вино водой (конечно, в той пропорции, чтобы владычица не заметила). Во-вторых, стоит сберечь ценные вина для тех, кто может оценить их ценность – а северянке оставить дешевую дрянь, вроде амина. В-третьих, за свои душевные муки, за полную бесполезность многолетней своей учебы бедный чашник должен быть как-то вознагражден – хотя бы деньгами от продажи сэкономленных вин. Пусть это и не полностью окупает страдания, но все же...

Ради разнообразия Вигам добавлял в смесь понемногу новых вин – и владычица ахала: «Какой свежий вкус! Как вы прекрасно угадали мое настроение!» На деле, угадать просто: когда она тоскует и жалеет себя, то пьет дешевый ордж; когда радуется и гордится – вино, то бишь, смесь. Сегодня северянка вернулась с триумфом, укротив Степного Огня.

Лазурные гвардейцы стерегли дверь ее величества. Один из них – левый, согласно традиции – остановил Вигама. Вынул из кармана крохотную, размером с наперсток, рюмку, налил в нее смеси из кувшина, осушил до дна.

– Странный вкус.

– Как всегда. Ее величество так любит. Она выросла в Предлесье.

– Что верно, то верно.

Гвардеец вынул платочек и протер бокал – от яда, что мог содержаться не в вине, а на посуде. Кивнул Вигаму и распахнул перед ним двери. Вигам вошел в спальню и согнулся в поклоне, держа на отлете поднос.

– Ваше величество!

Северянка полулежала в кресле, откинув голову. Высокий ворот ее платья был расстегнут, свет в комнате – приглушен.

– Что вы принесли мне?

– Владычица, я счел, что блеску вашего триумфа лучше всего подходит «Алая слеза». В ее вкусе есть и сладость победы, и острота радости, и нотка горечи, уместная в день окончания войны.

По опыту Вигам знал, как важно тщательно описать вкус. Пригубив вино, северянка ощущает то, что было сказано, а не то, что в бокале.

– Сударь, я уверена, что вы сделали прекрасный выбор, как и всегда. Но простите, сегодня мне хочется покрепче. Я так устала...

– Извольте лидского орджа?

– Буду рада ему.

– Сию минуту, ваше величество! – воскликнул Вигам и вышел прочь.

Вместо лидского он подавал северянке беломорский – оттенок вкуса тот же, а цена вдвое ниже. Это приятно, однако жаль, что придется идти второй раз. Владычица устала, видите ли. Два дня проспала в вагоне, часок поболтала с шаванами, еще два дня проспала – и аж так устала, чтобы пить ордж вместо вина. Ну, чего еще ждать от дамы, хлебавшей косяку с солдатней!

– Ты откуда?

Вигам вздрогнул, едва не налетев на первую фрейлину. Бокал звонко брякнул о кувшин.

– Вы меня напугали, миледи. Возникли так неожиданно, что...

– Я задала вопрос.

Голос Лейлы Тальмир стал неприятно, опасно сух. Вигам вытянулся в струнку.

– Виноват, миледи. От ее величества, миледи.

Она заглянула в кувшин.

– Почему полон?

– Ее величество отказалась. Пожелала орджа.

– Я к ней. Не смей входить со своим орджем.

– Да, миледи.

Он двинулся было дальше, но леди Лейла бросила:

– Стой. Налей.

Он наполнил бокал и подал фрейлине. Она опорожнила его в два приема. Отерла губы, фыркнула:

– Дрянь.

– Никак нет, миледи! Извольте видеть, это особо изысканный...

Фрейлина зашагала дальше, не слушая его. И вдруг Вигам сообразил: «Дрянь» – это было не о вине. По тонкости вкуса Лейла Тальмир под стать северянке. Она, Лейла Тальмир, двадцать лет держала трактир в захолустье. Амино – даже с водой и перцем – должно казаться ей напитком богов. Стало быть, «дрянь» относилась к неким мыслям фрейлины, которые она собирается высказать императрице. А бокал вина выпит залпом, очевидно, для храбрости.

Вигам остановился. Вигам задумался. Насколько он знал, леди Лейлу Тальмир боялись при дворе все, кроме кайров. Она же сама не боялась никого, кроме одного-единственного Ориджина: лишь его власти хватило бы, чтобы вышибить ее из дворца. Тогда какая опасность заставила фрейлину пить для храбрости?

Вигам огляделся: коридор был пуст, часовые остались за углом. Они стоят у дверей спальни владычицы, так что к замочной скважине не подойдешь. Но спальня имеет смежный камин с кофейной комнатой, а та сейчас пустует и не охраняется. Рональд Вигам на цыпочках нырнул в кофейную и, поставив поднос на стол, сунулся в жерло камина.

Первая фраза, которую уловил его напряженный слух, принадлежала северянке:

– Ах, леди Лейла, если бы вы знали, как я устала...

Вигам испытал острое раздражение. Северянка только тем и занята, что катается в поездах, жрет сладости, болтает с лордами и наряжается в платья! Делает ли она хоть одно дело, от которого действительно можно устать? Изучила ли хоть одно ремесло хоть вполовину так мастерски, как Рональд Вигам? Да быть владычицей – самое легкое дело на свете! Не требуется знаний и умений, не нужно усилий и труда, только раскрывай рот и говори приказы – а остальное исполняют слуги. Какое право она имеет уставать?!

– Я сочувствую вашему величеству, – раздался в камине голос Лейлы Тальмир. – И восхищена вашим блестящим дипломатическим успехом. Поздравляю с бескровной победой.

– Скажите, миледи, что я была хороша.

– Вы лучше всех на свете, ваше величество.

Вигам укрепился в догадке: с фрейлиною что-то не так. Она не сумела как следует польстить северянке: допустила тень то ли холода, то ли сарказма, слышимую даже сквозь камин.

– В чем дело, миледи? По-вашему, я допустила какую-то ошибку? Вы правы, не стоит так прямо просить похвалы. Это слишком...

– Моя вина, ваше величество. Не в вас дело, а во мне. Я холодна из-за собственных тяжелых мыслей.

– Тогда поделитесь ими. Возможно, я смогу...

– Я пришла с просьбой, ваше величество.

Вигама аж покорило. Ну и фрейлина! Кабан, а не придворная дама! На полуслове превратить императрицу – даже такую – это ни в какие ворота!..

Однако северянка стерпела – видимо, была особенно благостна в предчувствии орджа:

– Изложите вашу просьбу, миледи. Я буду рада помочь.

– Мне нужно пять тысяч эфесов.

Все в этой фразе было омерзительно: и топорная краткость, и злая прямота, и даже самая сумма. Будто нельзя попросить святое число: четыре тысячи или восемь! Боги, во что превращается двор!..

– Это легко устроить, миледи. Вы знаете, моя задумка с бумажными деньгами сработала неожиданно прекрасно! Я и не думала, что что-нибудь, придуманное мною, может дать такую прибыль! Завтра банк Конто выплатит вам пять тысяч.

– Благодарю, ваше величество. Но я имею еще одну просьбу. Она может показаться дерзкой...

Вигам схватился за голову. А раньше, значит, было не дерзко!

Лейла Тальмир выдержала паузу, собираясь с духом. Должно быть, такая наглость требует немало сил.

– Ваше величество, я хотела бы получить участок земли в ленное владение. Небольшой, двух- или трехщитный надел.

Северянка ответила с малою паузой. Теперь даже эта пьяница заметила, до чего охамела фрейлина.

– Не вижу препятствий, миледи. Имея пять тысяч, вы с легкостью купите такой надел.

– Ваше величество, деньги нужны для другой цели.

– Хорошо, я заплачу вам больше. Найдите подходящий участок, сторгуйтесь о цене и скажите мне сумму. Я покрою ваши расходы.

– Ваше величество, мне требуется не купленная земля, а данная в ленную собственность. Я прошу вас пожаловать мне владение от имени Короны.

То есть, она напрямую нахально просит лордский титул?! Вигам дернулся от негодования, стукнулся головой, потер затылок, стряхнул сажу. За стеною тем временем царила тишина. Наконец, северянка заговорила:

– Будет сложно устроить это. Я располагаю личными деньгами, но не собственной землей. Все земли Короны находятся под управлением министерства земель, и я пока не имею понятия о том, как распорядиться ими. Со временем разберусь во всем и, вероятно, выполню вашу просьбу. Но не сейчас.

– Ваше величество, прошу простить. Мне важно получить желаемое в скором будущем.

Вигам ощутил желание прочистить уши. По всей видимости, также и северянка.

– Не ослышалась ли я, миледи? Вы сочли нужным поторопить меня?

– Прошу прощения, ваше величество. Для меня это действительно важно.

– А почему, миледи? Какова причина вашей настойчивости?

– Я предпочла бы умолчать об этом.

Если бы Рональд Вигам был ребенком, то сейчас он скрутил бы два пальца в колечко и потряс ими, приговаривая: «Пусть случится! Пусть случится!» Пусть Лейла Тальмир вылетит прочь со двора! Хватит здесь и одной невежды из провинции.

– Леди Лейла, я знаю, сколь многое вы для меня сделали, – в сухом голосе северянки не было и тени прежней усталости. – Я готова щедро отблагодарить вас, но не допущу, чтобы вы переходили границы.

– Я нуждаюсь в помощи и пришла за нею к вам. Какую границу я нарушила? Мне следовало записаться у секретаря? Подать ходатайство в письменном виде?

– Не забываетесь, леди Лейла.

– В свое время вы приходили за помощью ко мне. Дважды. Оба раза я помогла.

– Довольно! Я не потерплю нотаций. Я вам не дочь.

Фрейлина промолчала. Наконец-то! Хоть теперь хватило ума проглотить язык.

– Извольте объяснить причину вашего поведения. Что происходит? Зачем так спешно понадобились земля и деньги?

– Я не могу этого сказать.

– Что за тайна у вас появилась?

– Это моя тайна, ваше величество.

– И как я могу вам доверять?

– Простите?..

– Я спросила, миледи, как можно доверять вассалу, который алчет денег и не объясняет причину? Вас шантажируют? Вас подкупают, а вы хотите больше? Ищете, где заплатят дороже?

Фрейлина крикнула так, что Вигам отпрянул и выпал из камина:

– Вы ничего не понимаете! Вырастете – узнаете, как бывает!

Владычица ответила, напротив, столь тихо, что Вигаму пришлось прижаться ухом к черной от сажи стенке очага:

– Вы не получите ни земли, ни денег. Я оставляю вас на службе ровно до той минуты, когда посмеете вновь повысить голос. Ступайте, миледи.

Фрейлина выдержала паузу, будто искала еще слова. Но, так и не сказав, скрипнула дверью.

Рональд Вигам переждал, пока ее шаги прозвучали мимо кофейной комнаты, а тогда схватил поднос и ринулся за орджем. Душа его пела от надежды. На радостях он решил не экономить, а влить в северянку настоящего лидского двадцатилетнего, лучшего из орджей, придуманных богами и созданных людьми. Глядишь, почувствует разницу. Глядишь, понемногу еще наладится жизнь!

– Эй, сударь, осторожнее! Вы скачете так, будто возглавляете атаку!

Вигам ахнул и согнул спину в низжайшем поклоне. Человек, возникший на его пути, был самым лордом-канцлером.

– Я виноват, ваша светлость, прошу простить...

– Не беда. Дайте-ка взгляну, с каким оружием вы мчитесь в бой.

Герцог уважительно осмотрел бутылку:

– Отличный выбор, сударь! Лишь в одном искусстве Первая Зима так и не превзошла древний Лид: в умении готовить ордж.

– Ваша светлость, отец учил меня выбирать напитки, а дед – отца, а прадед – деда.

– Жаль, что мой дед учил отца совсем другим делам... Кому несете?

– Ее величеству.

– Тогда позвольте, я приму на себя вашу миссию.

Лорд-канцлер взял у Вигама поднос.

* * *

Май 1775 г. от Сошествия

День встречи ЕИВ Минервы с вождем Подснежников Салемом

Фаунтерра, дворец Пера и Меча

– Бертрам, инспекция!

Берти Крейн, смотритель дворцовых складов, шутливо развел руками:

– Ах, милая Лизетта, вы ошиблись: я Бертрам, но я – отнюдь не инспекция. Я не имею чести быть ею. Да и честь-то, на мой взгляд, сомнительна. Я мог бы даже обидеться на вас за подобное допущение: я – инспекция? Помилуйте, Праматери!

Лизетта была девушкой, прекрасной со всех точек зрения, потому Берти не преминул потрепать ее по щеке, а она милейшим образом смутилась:

– Сударь, я не...

– Лизетта, я уже тысячу раз просил вас избегать всяческих сударей. Для вас я не желаю быть каким-то безликим сударем. Я – Бертрам, Бертрам и еще раз Бертрам! Желаете, выложу свое имя из колбас и сыров в главном складе?

– Да, конечно, Бертрам... Я просто немного растерялась, поскольку...

– Не нужно теряться. Я не найду себе места от горя, если вы потеряетесь!

Он попытался ее приобнять, девушка вывернулась не без кокетства:

– Бертрам, ну инспекция же... Она пришла. Прямо сюда!

– Сюда?

– Ну, они ждут там, в прихожей... Это так необычно!

Берти хмыкнул. Лизетта была в меру глупенькой – то есть, могла проявить ум в тех редких случаях, когда это действительно требовалось. В частности, умела отличить обычное от необычного.

– Зовите же сюда необычных гостей. Озарим их лучами нашего внимания!

Лизетта распахнула дверь и сделала реверанс, маняще оттопырив попку. Не без сожаления Берти перевел взгляд на гостей – и убедился, что они действительно необычны. Во главе инспекции шел министр двора. Он стоял в дворцовой иерархии непосредственно над Берти Крейном, но никогда прежде не унижал Берти чем-то вроде проверки. Министра не волновало, сколько и чего имеется на складе. Министра волновало одно: когда понадобится что-либо – от сухого цвета горных фиалок до копченой бычьей ноги – чтобы оно, требуемое, было сейчас же доставлено. Берти его не подводил.

– Мне так жаль, что беспокою вас в вашем царстве припасов, дорогой Бертрам! Я убежден, что фсюду у вас полный порядок. А если и не полный, то это ли главное? Излишний порядок только давит душу.

– Я полностью согласен, милорд! Если бы Лизетта не вносила нотку хаоса, я просто задохнулся бы от уныния... Но, виноват, чем я обязан вашей проверке? Ее величество или лорд-канцлер выказали недовольство качеством поставок? Если так, то я весьма удивлен!

– Милейший Бертрам, никакого недофольства! Просто миледи фрейлина сочла нужным проверить, довольно ли припасов ко дню празднования победы над бунтарями. Вы же слышали про этих Подснежников? Какие странные люди, не понимаю, о чем они думают!..

Следом за министром вошла Лейла Тальмир – первая фрейлина владычицы. Ее появление сделало ситуацию еще более странной. Да, в отличие от министра двора, леди Тальмир как раз была склонна ко всяческого рода инспекциям. Но, во-первых, ни владычицы, ни лорда-канцлера сейчас нет во дворце – кто же приказал фрейлине учинить проверку? А во-вторых, она не принесла с собою ни счетов, ни карандаша и бумаги. Как же она думает пересчитать складские запасы – в уме?..

– Миледи, желаете мой блокнот и счета? – предложил Берти.

– Желаю поскорее сделать дело.

Министр двора пожал плечами, как бы извиняясь за грубость своей спутницы.

– Ох, эта спешка... Никого она еще не дофодила до добра, кроме ее величества при собачьей гонке. Вы же помните гонку, Берти? То было потрясюще феерично!

– Где хранятся съестные припасы? – сухо спросила фрейлина.

– Внизу, разумеется. В холодных подвалах, – повинувшись ее напору, Берти ответил кратко, и сам себе стал противен.

– Проводите нас туда.

Четверо двинулись вглубь складов. Впереди выступал Берти, за ним верная Лизетта, далее фрейлина и министр. Несколько раз Берти останавливался и обращал внимание гостей:

– Чувствуете прекрасный запах? Здесь у нас хранятся всевозможные благовония и эфирные масла. Обеспечить приятный запах во всех помещениях, уберечь от травм тонкое обоняние барышень – одна из первейших задач министерства двора. Знаете ли, миледи, сколько эфирных масел потребляет двор за одни сутки? Я могу вам сказать с точностью до унции.

– Чудесный аромат! – говорил министр.

– Не стоит задерживаться, – обрывала фрейлина.

– А здесь, как видите, запасы искровых ламп. Осветительная техника весьма ненадежна: каждый день не меньше десяти ламп выходят из строя – и что с ними делать? Нет, миледи,

их нельзя починить. Искровая лампа – как судьба: если сломана, то уже не исправишь. Только выбросить и вставить новую.

– Как это ферно!

– Далее, сударь, далее.

– Мы входим в зал, миледи, где хранятся запасы всех видов материи, использованной в интерьере. С завидной частотой их приходится обновлять. Господа офицеры имеют склонность порывисто открывать вино, или взмахивать голыми клинками ради драматичности жеста. Дамы неосторожно задевают штормы плечами в пудре или креме. Иногда приводят собачек или котиков, те и другие совершают непотребство... Словом, стены нередко страдают, и приходится обновлять драпировку.

– Как это важно – беречь красоту! Куда скатится столица, если мы позволим дворцу обветшать!

– Судари, напоминаю: ее величество и лорд-канцлер отправились бороться с бунтарями. Очевидно, они вернутся с победой. Состоится праздник.

– Всенепременно, миледи! Невосможно не отметить такую радость! Эти бунтари, они фсе бунтуют и бунтуют, без конца и краю. Когда же этому конец!

– И что понадобится для праздника? Искровые лампы? Драпировка? Благовония?

– В деле праздника нет мелочей, каждая деталь важна!

– Судари, прежде всего важны съестные припасы. Праздник обернется скандалом, если гости будут голодны!

– Хорошо, миледи, будь по-вашему, – смирился Берти и кратчайшим путем провел инспекторов в холодные погреба.

Обед уже окончился, и слуги не сновали здесь со своими тележками, не грузили припасы в кухонный подъемник, не изводили Лизетту требованиями одного, другого, третьего. Стояла тишь. В величавом безмолвии желтели головы сыров, лоснились колбасы, круглились бочонки с маслом, возвышались копчености, воздетые на крюки.

– Пищевой склад, миледи, являет собою анфиладу погребов, в каждом из которых хранится свой тип припасов. К нашему счастью, здесь имеются такие отделы: колбасно-сырный, мясной, сахарно-масляный, хлебно-мучной...

– Думаю, я сама увижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.